

**Вашингтон Ирвинг.
Легенда о Сонной Ложбине**

Рисунки В. Бехтеева

В глубине одной из просторных бухт, вдающихся в восточный берег Гудзона, у широкого разлива реки, которому некогда голландские мореплаватели дали имя Таппанского Озера, лежит маленький городок, иди сельский порт, зачастую именуемый Гринсбургом, но более известный под названием Держи-Города. Говорят, так окрестили его в давние времена добрые хозяюшки соседних поселков потому, что мужья их проявляли неискоренимую склонность засиживаться в городском кабачке по базарным дням. Неподалеку от этого городка, примерно в двух милях, протянулась небольшая долина, нечто вроде складки между высокими холмами. Это -- самый спокойный уголок в целом свете. По долине струится ручей с тихим журчаньем, которое только и может, что баюкать и навевать дремоту. Никакой звук не тревожит безмятежной тишины, -- разве порой перепелка свистнет или застучит на дереве дятел.

Помнится, мальчуганом еще, я впервые попробовал свои силы в охоте на белок именно здесь, в роще высоких орехов, раскинувшейся по краю этой долины. Я пришел сюда в полдень, когда природа особенно тиха, -- и как же испугал меня грохот моего ружья, разбивший глубокую тишину, подхваченный и повторенный сердитыми отголосками эхо! Если б когда-нибудь вздумалось мне найти уголок, куда бы укрыться от всех развлечений света, чтобы в мирных грезах провести остаток моих дней, я не стал бы искать лучшего места, чем эта маленькая долина.

За нерушимое спокойствие этого уголка, за особый склад характера его жителей, потомков первых голландских поселенцев, эта уединенная долина издавна зовется Сонной Ложбиной. Дремотное оцепенение словно повисло здесь над землей, охватило и самый воздух. Кто говорит, будто

местность эта была зачарована знаменитым немецким ученым в первые дни голландского поселения; кто говорит, будто старый индейский вождь, колдун или пророк своего племени, вершил здесь свои таинства прежде еще, чем край этот открыт был мастером Гендриком Гудзоном. Одно несомненно: и поныне местность эта остается под властью каких-то чар, и добрый народ Сонной Ложбины и поныне не может отряхнуть с себя этого очарования. Люди верят тут всяким сверхъестественным чудесам; они видят сны наяву; призраки посещают их; в воздухе чудятся им музыка и нездешние голоса. Вся окрестность изобилует местными преданиями, суевериями, заколдованными уголками; звезды падают, и метеоры блещут над этой долиной куда чаще, чем во всякой другой стороне, и ночные кошмары облюбовали ее для своих хороводов.

Но чаще всех прочих духов в этой зачарованной местности, словно главнокомандующий всех нездешних сил, появляется призрак всадника без головы. Если верить молве, это -- дух гессенского наемника [*Гессенский наемник -- так называли немецких солдат, нанятых Англией для борьбы с Америкой во время войны ее за независимость*], которому снесло голову пушечным ядром во время революционной войны [*Так американцы прозвали войну за независимость*]; его-то и видит порой деревенский люд, когда мчится этот призрак во мраке ночи, как бы на крыльях ветра. Он не ограничивает своих посещений одной лишь долиной, но является иной раз и на соседних дорогах, причем всего чаще вблизи церкви, стоящей на небольшом расстоянии от Сонной Ложбины. Некоторые, наиболее заслуживающие доверия летописцы этих мест, бережно собиравшие рассказы о появлениях призрака, утверждают, что тело этого воина погребено было на церковном погосте, и потому-то отсюда по ночам его дух выезжает на место сражения, на поиски своей головы; а если порой он проносится по Ложбине с такой стремительной быстротой, подобно полуночному вихрю, так это потому, что, промешкав, спешит воротиться на погост до зари.

Это легендарное поверье послужило темой для многих причудливых историй, которые из уст в уста передаются в этом краю наваждений; об этом призраке толкуют у каждого сельского очага, называя его Безголовым Всадником Сонной Ложбины.

Примечательно, что подвержены подобным видениям не только одни коренные обитатели долины; это свойство приобретает всякий, кто проживет там хотя бы короткий срок. Каким бы трезвым умом ни обладал человек до того, как вступит в эту область снов, в самом непродолжительном времени он испытает на себе дурманящее действие воздуха, воображение его обострится, он начнет видеть сны и привидения.

В этом-то закоулке природы в отдаленный период американской истории, -- точнее, лет тридцать назад, -- жил достойный человек по имени Айкебод Крейн. Поселился он в Сонной Ложбине, чтобы обучать грамоте местных ребят. Сам он был родом из Коннектикута, штата, который ежегодно поставляет стране легионы лесничих и школьных учителей. Фамилия "Крейн" [*Крейн -- по-английски -- журавль*] как нельзя лучше соответствовала его внешности. Он был долговяз, удивительно сухопар, с узкими плечами, длинными руками и ногами; кисти его рук на милью торчали из рукавов, ступни вполне сошли бы за лопаты, а вся фигура скреплена была кое-как, так что части ее вихлялись совершенно свободно. Голова у него была маленькая, приплюснутая на макушке, с огромными ушами, большими зелеными, как стекло, глазами и длинным бекасым носом -- ни дать ни взять, флюгерный петушок, насаженный на шею-спицу, чтобы указывать, откуда дует ветер. Когда в ветреный день Айкебод Крейн шагал по гребню холма и ветер вздувал и трепал на нем платье, его тощую фигуру можно было принять за воплощение голода, спускающегося на землю, или за пугало, сбежавшее с кукурузного поля.

Приземистое школьное здание, состоящее из одной большой комнаты, сложено было из наспех отесанных бревен; окна частью были застеклены, частью залеплены листками старых тетрадей. В часы, свободные от занятий, школа запиралась самым мудреным образом -- при помощи прута, пропущенного в ручку двери, и кольев, которыми закладывались снаружи ставни, так что вор мог бы проникнуть внутрь без всякого труда, зато не скоро выбрался бы на волю; по-видимому, строителю, Посту Ван-Гутену, подсказало эту идею хитроумное устройство вериги для ловли угрей. Школьный дом стоял в довольно пустынном, но приятном месте, у самого подножья поросшего лесом холма; тут же бежал ручей и росла чудовищной величины береза. В сонный летний день, точно жужжание пчелиного роя, отсюда доносилось бормотанье учеников, зубрящих уроки; порой прерывалось оно властным голосом учителя -- приказанием или угрозой, а то и ужасным свистом лозы, когда подгонял он какого-нибудь шалуна, слишком медленно шествующего по цветущей стезе познания. Ибо Айкебод Крейн был человеком добросовестным и неизменно хранил в памяти золотую истину: "Пожалеешь розог -- погубишь ребенка". Ученикам Айкебода Крейна, разумеется, не угрожала гибель.

Однако неправильно было бы думать, что Айкебод Крейн принадлежал к числу тех свирепых школьных тиранов, которым на радость мучения их подданных; напротив того, он вершил правосудие без излишней жестокости и даже с разбором, перекладывая тяжесть со спины слабого на спины тех, кто покрепче. Взять какого-нибудь мальчика, который корчится при малейшем прикосновении лозы, -- такого он всегда готов был простить; а требования справедливости он удовлетворял, наделяя удвоенной порцией какого-нибудь коренастого, крепкоголового упрямяца, который только пыжился, дулся и мрачнел под розгой. При этом Айкебод Крейн обычно говорил, что "исполняет свой долг перед родителями", и неизменно утешал выпоротого ученика, уверяя его, что он "будет благодарен ему за это всю свою жизнь".

Когда кончались часы занятий, он становился даже другом и товарищем старших ребят; а предпраздничные вечера провожал домой младших, -- если были у них смазливые сестры или добрые матушки, славившиеся содержимым своих буфетов. Что и говорить, ему необходимо было сохранять добрые отношения- с учениками! Школа приносила ему скудный доход, и вряд ли хватило бы этого дохода, чтобы обеспечить его хлебом насущным, ибо покушать он любил и, при всей своей худобе, обладал способностью расширяться, как анаконда. А снискивал он себе пропитание, по обычаю тех мест, столуясь и квартируя по домам у фермеров, чьих детей обучал. Поочередно жил он то у тех, то у других по неделе, кочуя таким образом по кругу со всеми своими пожитками, увязанными в бумажный носовой платок.

Чтобы это не было чересчур накладно для кошельков его деревенских хозяев, которые частенько склонны считать плату за ученье тяжким бременем, а учителей -- не чем иным, как дармоедами, достойный педагог различными способами старался сделать свое присутствие одновременно полезным и приятным. Он пособлял фермерам в работах, что полегче: помогал сгребать сено; чинил плетни; водил на водопой лошадей; пригонял коров с пастбища; пилил дрова для зимнего очага. Откинув прочь все свое величие и повадку повелителя, с которой он властвовал в своем маленьком царстве, в школе, он становился удивительно милым и покладистым. Он снискивал расположение матерей, пестуя детишек, особенно младших; и, подобно льву, который в басне великодушно играет с ягненком, сиживал, бывало, часами, держа на колене одного ребенка и качая ногой люльку с другим.

Вдобавок к прочим своим занятиям он был единственным учителем пения на всю округу и много блестящих шиллингов клал в карман, поучая молодежь псалмопению. С великой гордостью по воскресеньям он занимал свое место на хорах в церкви, впереди отряда отборных певцов; тут, казалось ему, отнимает он пальму первенства у самого священника. Спору нет, голос его покрывал голоса всех прочих прихожан; и поныне в тихое воскресное утро можно услышать какие-то удивительные рулады в этой церкви, и даже в полумиле от нее, на противоположном берегу

мельничного пруда. Говорят, будто они ведут свое происхождение по прямой линии от гнусавых нот, рожденных носом Айкебода Крейна.

Так, разнообразными способами и уловками, -- как говорится в общежитии, "не мытьем, так катаньем", -- достойный педагог пробавлялся вполне сносно, и все, кто ничего не смыслит в тяготах умственного труда, считали, что живется ему удивительно легко.

Школьный учитель обычно пользуется некоторым весом в кругу деревенских хозяек; он представляется им чем-то вроде праздного джентльмена, привычки и вкусы которого куда тоньше, чем у своего брата, деревенщины. Поэтому появление его за чайным столом обычно вызывает некоторое смятение: хозяйка спешит подать добавочное блюдо, -- с пирогами ли, со сладостями, -- а случается, и серебряный чайник выходит на парад. По той же причине сельские красотки охотно дарили нашего мудреца своими улыбками. Как изоцрялся он среди них на погосте по воскресным дням, в промежутках между богослужениями! То собирал для них грозди дикого винограда, который вился тут по деревьям; то декламировал эпитафии, высеченные на надгробных камнях; то бродил с целой стайкой красавиц по берегам соседнего пруда, между тем как застенчивые деревенские парни робко жались к сторонке, завидуя учтивости и тонкости его обхождения.

Вследствие своего кочевого образа жизни Айкебод Крейн был также чем-то вроде ходячей газеты: из дома в дом таскал он весь короб местных сплетен, так что приход его всегда встречали с удовлетворением. Кроме того, женщины считали его человеком весьма широких познаний, ибо он прочитал несколько книжек от начала до конца и полностью усвоил всю "Историю колдовства" Коттон Матера, каждому слову которого верил твердо и безоговорочно.

Станным образом в нем сочетались мелочное лукавство и наивная доверчивость. Аппетит его до всего чудесного и способность переваривать эти чудеса были в равной мере изумительны. И оба эти свойства возросли благодаря пребыванию в этом зачарованном краю. Не было истории слишком грубой, чудовищной для его вместительной глотки. Часто по окончании школьных занятий он наслаждался, растянувшись на пышном клевере у ручья, журчавшего подле школы, погруженный в чтение страшных рассказов старого Матера, пока не спустятся сумерки и печатная страница перед его глазами не превратится в сплошной туман. Тогда направлял он свой путь через болота, ручьи и глухие перелески к ферме, где жил на этой неделе, и в этот колдовской час любого звука природы было достаточно, чтобы вспугнуть его возбужденное воображение. Все приводило его в ужас: стон козодоя на склоне холма; крик древесной лягушки, предвестницы бури; жуткий хохот совы или внезапный шелест крыльев, когда вспорхнут в чаще птицы, согнанные со своего насеста. Даже светлячки, вспыхивавшие особенно ярко в самых темных местах, те и дело пугали его, вылетая ему на дорогу. А если случалось бестолковому, большому жуку налететь на него сослепу, бедняга готов был испустить дух при мысли о том, что это -- колдовское знамение. Единственное, что

оставалось ему в таком случае, чтобы отогнать страшную мысль или отвадить злых духов, -- это запеть псалом; и добрые жители Сонной Ложбины, сидевшие вечерком у своих дверей, часто бывали охвачены страхом, услышав его гнусавый напев, плывущий с далекого холма или по темной дороге.

Был у него еще один источник жутких удовольствий: он любил проводить долгие зимние вечера в обществе старых голландских хозяйшек, когда сидели они и пряли у огня, а яблоки, выстроенные рядком, пеклись и фыркали на очаге; тут можно было наслушаться сказок про духов и леших, про поля и ручьи, посещаемые нечистой силой, про замороженные мосты и заколдованные дома; но чаще всего речь шла здесь о Безголовом Всаднике, о Скачущем Гессенце Сонной Ложбины. Айкебод Крейн в свою очередь услаждал их рассказами о ведьмах, о грозных знамениях и зловещих призраках, некогда виденных в Коннектикуте; он застрашивал их до ужаса своими рассуждениями о кометах и падающих звездах или потрясающим сообщением о том, что земля совершает полный оборот и половину времени они проводят вверх тормашками.

Но если приятно было беседовать обо всем этом, нежась у очага в комнате, залитой рдением потрескивающих дров, куда, разумеется, не посмело бы сунуться никакое привидение, -- как жестоко приходилось расплачиваться за эти часы потом, когда бедный Айкебод Крейн возвращался домой! Какие ужасные образы и тени осаждали его тропу в тусклом и призрачном сиянии снежной ночи! Каким завистливым оком ловил он каждый неверный луч света, мелькнувший в далеком окне, где-то там, за широкими полями! Как часто цепенел он перед каким-нибудь деревцем, замеченным снегом, которое, точно привидение в саване, вставало прямо на его пути! Как часто содрогался он при звуке собственных шагов, когда обледенелая корка хрустела у него под ногами, и не смел даже глянуть через плечо, боясь увидеть какую-нибудь нечисть, шагающую за ним по пятам! А если сорвется вдруг ветер и завоет в ветвях, -- какой леденящий ужас охватывал его при мысли, что это Скачущий Гессенец мчится на поиски своей головы!

Однако все это были только ночные кошмары, воображаемые призраки, которые бродят в темноте; и хотя Айкебод Крейн немало видал призраков на своем веку и не раз во время одиноких его странствий являлся ему дьявол в разных обликах, -- дневной свет неизменно рассеивал все эти наваждения; и жизнь его прошла бы в полном благополучии, не встреть он на своем пути существо, которое приносит смертным больше хлопот, чем все духи, привидения и ведьмы вместе, а именно -- женщину.

Среди молодежи, собиравшейся раз в неделю обучаться у него псалмопению, была Катрина Ван-Тассель, единственная дочь зажиточного голландского фермера. Это была цветущая девушка восемнадцати лет, упитанная, как куропатка, спелая, сочная и краснощекая, как персик из сада ее отца; к тому же, молва отмечала не только ее красоту, но и прекрасное будущее, которое ее ожидает. Вдобавок она была немного кокеткой; это можно было заметить даже по платьям ее, в коих старинные моды

сочетались с новейшими, чтобы наилучшим образом подчеркнуть ее прелести. Она носила украшения из чистого золота, которые пра-пра-прабабка ее привезла из Саардама, соблазнительную душегрейку старых времен и вместе с тем вызывающе короткую юбку, позволявшую любоваться парой очаровательнейших ножек во всей округе.

Айкебод Крейн был мягок и чувствителен сердцем к женскому полу; не диво, что такой соблазнительный кусочек пришелся ему по вкусу -- в особенности после того, как он навестил свою ученицу в ее отчем доме. Старый Балтус Ван-Тассель являл собой чистейший образ благоденствующего, довольного судьбой, добродушного фермера. Правда, глаза его или мысли редко устремлялись за пределы его собственной фермы, но в этих границах все дышало уютом, счастьем и благополучием. Он был доволен своим богатством, не чванясь им, и гордился скорее здоровым достатком, нежели пышным образом жизни. Твердыня его расположена была на берегах Гудзона, в зеленом, тенистом и тучном уголке, в каких издавна любят селиться голландские фермеры [*Ирвинг впоследствии купил маленький каменный дом, в котором, по преданию, жили Ван-Тассели. Он расширил его и назвал "Саннисайдом" -- Солнечной Стороной. Тут он провел последние годы своей жизни*]. Могучий вяз раскидывал свои широкие ветви над домом; а у подножья вяза пенился ключ, изливая самую мягкую, самую сладкую воду в маленький водоем, сооруженный из бочки; отсюда бежал он дальше, искрясь в траве, к соседнему ручью, журчавшему среди зарослей ольхи и плакучих ив. Рядом с домом стоял амбар, такой большой, что мог бы служить церковью; каждое окно, каждая щель, казалось, готовы были лопнуть от распиравшего его добра; цеп деловито стучал в нем с утра до ночи; ласточки и стрижи с визгом сновали вдоль стрех его, и голуби нежились на крыше в солнечных лучах: иные -- подвернув голову под крыло или схоронив ее у себя на груди, другие -- пыжась, воркуя, увиваясь вокруг своих подружек. Лоснящиеся неуклюжие свиньи хрюкали в просторных загонах у полных кормушек; то и дело выбегали оттуда ватаги поросят, словно для того, чтобы потянуть носом воздух. Внушительный эскадрон белоснежных гусей разъезжал по соседнему пруду, конвоируя целые флотилии уток; полки индюков кулдыкали на птичьем дворе, и цесарки носились с брызгливыми раздраженными криками, словно сварливые хозяйки. Перед дверью житницы гоголем выступал петух, -- образец примерного супруга, воина и тонного кавалера, -- всхлопывая воронеными крыльями, кукарекая от гордости и полноты сердца, порой взрывая лапами землю, а затем великодушно сзывая своих вечно голодных жен и детей, чтобы порадовать их лакомым кусочком, который удалось ему отыскать.

Слюнки текли у достойного педагога, когда глядел он на все это изобилие, сулившее сладостные утехы зимних трапез. Его жадному умственному взору представлялось, что у каждого молочного поросенка, бегающего по двору, в желудке -- пудинг, а во рту -- печеное яблоко; голуби, прикрывшись хрустящей корочкой, уютно вминались в мягкую постель пирога; гуси плавали в собственном жиру, а утки парами нежились

на блюдах, под приправой чудесного лукового соуса. В свиньях виделись ему сочные окорока и копченая жирная грудинка; каждый индюк лежал уже перед ним, аппетитно украшенный, с зобом, подвернутым под крыло, в ожерелье благоухающих сосисок; даже щеголь-петух -- и тот красовался, растянувшись на спине и подняв кверху когти, будто выпрашивая кусочек, которым при жизни пренебрег его рыцарский дух.

Когда восхищенный Айкебод представлял себе все это и озира́л своими большими зелеными глазами тучные луга и богатые поля пшеницы, ржи, гречихи и кукурузы или сады, отягченные румяными плодами, окружавшие уютное гнездышко Ван-Тасселя, -- сердце его исходило тоской по красавице, которая должна была унаследовать все эти богатства. Воображение его разгоралось при мысли о том, как легко обратить все это в звонкую монету, а деньги вложить в немеряные участки земли и крытые дранкой дворцы среди пустынных степей и лесов. Деятельная фантазия Айкебода Крейна уже воплощала эти мечты в жизнь, и цветущая Катрина представлялась ему уже с целой оравой детей наверху фургона, груженного домашним скарбом; под фургоном громыхали котелки и кастрюли. А сам он восседал уже на кобыле, и за ней по пятам скакал жеребенок, и все направлялись в Кентукки, Теннесси или бог весть куда.

Сердце его окончательно было покорено, когда вошел он в дом. Это было просторное здание, с высоким коньком, построенное на манер домов первых голландских поселенцев; низко опущенные скаты крыши выдавались вперед, образуя перед домом сени, которые можно было закрывать в ненастье. Под потолком здесь висели цепи, сбруя, всякая хозяйственная утварь и сети для ловли рыбы в реке по соседству. Вдоль стен прилажены были скамьи, чтобы отдыхать на них в летнее время; большая прялка в одном углу, маслобойка -- в другом показывали, для каких разнообразных надобностей могут служить эти сени.

Из сеней оторопевший Айкебод вошел в большую комнату, где обычно пребывали все домочадцы. Тут его взор поразили сверкающие ряды оловянной посуды, выстроенной на длинной полке. В одном углу комнаты стоял огромный мешок шерсти, дожидавшейся прялки; в другом -- груда сукна, прямо с ткацкого станка; початки кукурузы и низки • сушеных яблок и персиков веселыми гирляндами протянулись по стенам вперемежку с кистями красного перца; а в распахнутую дверь видна была гостиная, где кресла на львиных лапах и столы красного дерева блестели, как зеркала. Камин там украшен был яркими раковинами и искусственными апельсинами; над ним развешаны были ожерелья разноцветных птичьих яиц; большое страусовое яйцо висело посреди комнаты, а из буфета, нарочито открытого, глядели несметные сокровища старинного серебра и фарфора.

С той минуты, как взгляд Айкебода упал на все эти чудеса, покой души его был нарушен, и единственным помышлением его стало -- добиться расположения несравненной дочери Ван-Тасселя. В этом деле, однако, трудностей было куда больше, чем выпадало на долю странствующего рыцаря былых времен, ибо тому приходилось бороться разве что с

великанами, волшебниками и огненными драконами; и только через железные или медные ворота, через адамантовые стены приходилось ему пробивать себе дорогу в башню замка, где заточена была дама его сердца; все это он выполнял с такой же легкостью, с какой любой из нас проложит путь к середине рождественского пирога, -- после чего, само собой разумеется, дама отдавала ему свою руку и сердце. Айкебод же должен был проложить себе путь к сердцу сельской кокетки, окруженному лабиринтом капризов и прихотей; и капризы эти непрерывно воздвигали перед ним новые трудности и препятствия; он должен был устоять против целого сонма противников, из настоящей плоти и крови -- против многочисленных поклонников, которые заняли все подступы к ее сердцу; бросая настороженные, злобные взгляды друг на друга, они готовы были в любую минуту сплоченными силами ринуться против нового соперника.

Самым грозным из них был дюжий, горластый парень, по имени Бром Ван-Брунт, признанный герой, рассказами о силе и отваге которого гремела вся округа. Он был широкоплеч и коренаст, с короткими курчавыми черными волосами, с грубоватым, но вполне приятным лицом, веселым и дерзким сразу. За свою фигуру Геркулеса и могучую силу получил он прозвище Брома Бонса [*Бром -- сокращенно от Абрагам; Боне (Bones) -- по-английски -- кости*], -- и так его повсюду и звали. Он славился великим искусством своим в верховой езде и ловок был в седле, как татарин. На любых скачках, в любом кулачном бою он был первым; а так как телесная сила в почете среди деревенских жителей, то во всяком споре он был третейским судьей, причем выносил решения тоном, не терпящим никаких возражений. Чуть затевалась драка или какая-нибудь другая потеха, он всегда был тут как тут; однако буянил больше из озорства и, при всей своей грубости, по нутру своему был самым что ни на есть добродушным повесой. У него было трое или четверо закадычных друзей, которые во всем следовали его примеру; верховодя ими, шатался он по округе, не пропуская ни одной потасовки, ни одной веселой проделки. В холодную пору его узнавали по меховой шапке с пышным лисьим хвостом на макушке. Различив вдалеке над ватагой лихих всадников этот знакомый хохол, сельчане всегда уже знали, что сейчас заварится каша. Иной раз в полночь эта ватага проносилась мимо фермерских домиков с гиком и гамом, словно отряд донских казаков; и старые хозяйюшки, пробудившись ото сна, с минуту прислушивались, пока не промчится мимо этот ураган, а потом восклицали: "Э, да ведь это Бром Бонс со своими головорезами!" Соседи все же относились к нему доброжелательно -- не без страха, но и не без восхищения.

Этот шальной удалец и вздумал избрать цветущую Катрину предметом своих неуклюжих ухаживаний; и хотя в любовных нежностях очень смахивал он на медведя, все же в народе поговаривали, будто надежды его не совсем лишены основания. Разумеется, заметив его увлечение, все другие соперники поспешили уступить ему дорогу; так что, если в воскресный вечер к палисаду Ван-Тасселя была привязана его лошадь, -- верный признак того, что хозяин ее "ударяет" за красоткой, -- все прочие

ухажеры, обескураженные, проходили мимо и отправлялись искать утешения где-нибудь по соседству.

Таков был грозный соперник, с которым приходилось тягаться Айкебоду Крейну; прикинув все обстоятельства, человек посильнее его пошел бы на попятный, а человек посмекалистей пришел бы в отчаяние. Однако в характере Айкебода счастливо сочетались гибкость и упорство; и внешним своим видом и духом походил он на камышовый прут: гибкий, но упругий; гнуться он гнулся, но никогда не ломался; и хотя он склонялся при малейшем нажиме, стоило ему освободиться -- фьють! -- и он снова был прям и держал голову высоко как ни в чем не бывало.

Выступать в открытую против такого соперника, как Бром Бонс, было бы безумием, поэтому Айкебод начал действовать тихим и вкрадчивым манером. Пользуясь своим положением учителя пения, он частенько стал наведываться на ферму. Не то чтобы он сколько-нибудь надеялся на вмешательство родителей, которые нередко служат камнем преткновения для влюбленных: Балт Ван-Тассель был человеком покладистым, дочь он любил даже больше, чем свою трубку, и как разумный и нежный отец предоставил ей действовать по своему усмотрению. Хлопотливая женушка его -- с нее достаточно было забот по хозяйству, по уходу за птицей! "Ибо, -- мудро говаривала она, -- утки и гуси -- глупая тварь, за ними нужен глаз да глаз, -- а дочки и сами о себе позаботятся". Вот почему, пока трудолюбивая хозяйка хлопотала по дому или вертела прялку в одном конце сеней, честный Балт сидел в другом, раскуривал свою вечернюю трубку и следил за подвигами маленького деревянного воина, который, держа в обеих руках по мечу, доблестно сражался с ветром на коньке амбара. Айкебод же тем временем ухаживал да дочкой, сидя у ручья под большим вязом, или бродил с ней в сумерках, -- а какой же час благоприятствует больше красноречию влюбленного?

Признаюсь, мне неведомо, какими способами пленяют и покоряют женские сердца. Иные сердца, очевидно, имеют одну только уязвимую точку, один только вход; к другим ведут тысячи ворот, и овладеть ими можно тысячами различных путей. Требуется великое искусство, чтобы покорить сердце первого рода. Но еще лучшим стратегом нужно быть, чтобы удержать за собой сердце со многими входами, ибо тут приходится отстаивать крепость, защищая каждую дверь и каждое окно. Покоривший тысячу простых сердец достоин славы; но подлинный герой -- это тот, кто сохраняет безраздельную власть над сердцем кокетки. Несомненно, Бром Бонс не являлся подобным героем; и с той минуты, как Айкебод Крейн стал помогать любви Катрины Ван-Тассель, успехи шального молодца заметно начали блекнуть. По воскресным вечерам его лошадь не стояла больше на привязи у палисадника, и смертельная вражда постепенно возникла между ним и его преемником из Сонной Ложбины.

Бром, имевший в душе немало рыцарской прямоты, охотно разрешил бы спор в открытом бою, один-на-один, как делали это странствующие рыцари былых времен. Но Айкебод слишком хорошо сознавал, насколько противник превосходит его силой, чтобы отважиться на такой поединок.

До него дошла похвальба Бонса, который хвастал, что "скрутит этого учителяшку в три погибели и сунет на полку у него же в школе". А у достойного педагога никакой охоты не было предоставить для этого своему сопернику случай. Что-то вызывающее было в упорном его миролюбии; и единственное, что оставалось Брому, -- это прибегнуть к своему запасу грубоватых выходок и шуток. Айкебод и в самом деле стал жертвой прихотливых проделок Брома Бонса и оравы его лихих молодцов. То и дело они совершали набеги на его мирные доселе владения; выкуривали из школы его псалмопевцев, закупорив трубу; вламывались в школьное здание, невзирая на грозный прут, просунутый в ручку двери, и на колья, которыми закладывались ставни, и всё переворачивали там вверх дном, так что бедный учитель заподозрил даже, не ведьмы ли слетаются туда со всей округи. Но всего досадней было то, что Бром пользовался всяким удобным случаем, чтобы выставить Айкебода в смешном свете перед его возлюбленной; он завел проклятого пса, которого выучил выть самым потешным образом, а затем предложил его Катрине Ван-Тассель в качестве учителя пения как достойного соперника Айкебода Крейна.

Так шли дела некоторое время, не внося никаких существенных перемен в отношения воюющих сторон. В ясный осенний день Айкебод, в задумчивом расположении духа, восседал на высоком стуле, откуда обычно озираал свое маленькое царство. В руке он держал линейку -- скипетр своей деспотической власти; позади его трона на трех гвоздях покоилась лоза правосудия, неотвратимая угроза для грешников; на кафедре перед ним лежала различного рода контрабанда и запрещенное оружие, обнаруженное при осмотре нерадивых ребят: наполовину обглоданные яблоки, хлопущки, юлы, мухоловки и целые легионы задорных бумажных петушков. По-видимому, недавно тут был учинен некий устрашающий акт правосудия, потому что школяры прилежно смотрели в свои книжки или втихомолку перешептывались под прикрытием тех же книжек, одним глазком следя за учителем; какая-то звенящая тишина царила в школьной комнате.

Эта тишина была неожиданно прервана появлением негра в холщевой куртке и штанах, в обрывке шляпы, похожем на колпачок Меркурия [*Колпачок Меркурия. -- Римляне изображали Меркурия, бога торговли и покровителя путешественников, в колпачке с крылышками*]. Он подскакал к школьным дверям на взлохмаченном, диком, полу-объезженном жеребчике, на шею которого накинута недоуздок, и передал Айкебоду приглашение на вечеринку к мингеру Ван-Тасселю на этот же вечер. Выполнив свою миссию со всей торжественностью, в самых пышных словах, какие имелись у неге в запасе, он перемахнул через ручей и умчался вверх по лощине, гордый важностью и спешностью исполненного поручения.

Шум и гам поднялись в тихой до этого школьной комнате. Достойный педагог погнал учеников по урокам вскачь, не задерживаясь на пустяках; самые шустрые безнаказанно промахнули половину заданного, а те, что мешкали, то и дело получали подзатыльники, ускорявшие их бег или

помогавшие им перевалить через трудное слово. Книги были брошены как попало, чернильницы перевернуты, скамьи опрокинуты, и все школяры отпущены на волю часом раньше обычного. Они вырвались из школы, словно стая дьяволят, визгом и гомоном наполняя лес, вне себя от радости по случаю такого раннего избавления.

Доблестный Айкебод по крайней мере полчаса лишних потратил на туалет, начищая до лоска свой лучший и, правду сказать, единственный наряд ржаво-черного цвета и прихорашиваясь перед осколком зеркала. Чтобы предстать перед дамой сердца, как подобает истинному кавалеру, он занял лошадь у фермера, у которого квартировал, -- желчного старого голландца по имени Ганс Ван-Риппер; браво оседлав ее, он выехал на дорогу, точно странствующий рыцарь, отправляющийся на поиски приключений. Но тут, в соответствии с духом романтического повествования, мне надлежит несколько задержаться на описании вида и снаряжения моего героя и его коня. Животное, на котором он ехал верхом, было старой рабочей клячей, сохранившей от прежних времен один только вредный норов. Она была тощей и косматой, с головой, похожей на молоток; ее бурая грива и хвост были спутаны и полны репьев; один глаз, лишенный зрачка, сиял белесым, призрачным блеском; в другом горело дьявольское коварство. В свое время, должно быть, она отличалась пылкостью и горячностью, потому что недаром же эта кляча получила имя Порох. И в самом деле, некогда она была излюбленным конем своего желчного хозяина, Ван-Риппера, который славился как отчаянный ездок; по-видимому, что-то от своего бешеного нрава передал он и ей, ибо и сейчас в этой старой развалине сидело больше чертей, чем в любом молодом коне во всей округе.

Айкебод был подходящим седоком для такого скакуна. Он ехал на подтянутых стремянах, так что коленки его приходились почти у луки седла; острые локти его торчали в стороны, как у кузнечика; кнут он держал вертикально, как скипетр, а когда лошадь затрусила рысцой, движение рук его очень смахивало на всхлопывание пары крыльев. Шерстяная шапчонка сидела на вершине его носа, -- именно так приходится назвать узенький лоскуток его лба; а полы его черного камзола развевались, точно лошадиный хвост. Так выглядели Айкебод и его конь, когда они выбрались из ворот Ганса Ван-Риппера, и зрелище это было такое, какое не часто случается встретить среди бела дня.

Как я говорил уже, стоял ясный осенний день; небо было чистым и безоблачным, и природа нарядилась в богатую золотую ливрею, которая всегда вызывает у нас мысли об изобилии. Леса надели свой скромный коричневый и желтый убор; иные деревья, понежнее, чуть хвачены были заморозками и сверкали оранжевыми листьями, пурпуром и багрянцем. Цепочки диких уток показались уже в вышине; стрекотанье белки доносилось из зарослей бука и орешника, и задумчивый свист перепелки порой долетал с соседнего сжатого поля.

Маленькие пичужки справляли свои прощальные банкеты. В полноте веселья они порхали с дурашливым щебетом с куста на куст, с дерева на

дерево, разбалованные обилием и разнообразием угощений. Был тут и реполов, излюбленная добыча мальчишек; и златокрылый дятел, с малиновым хохолком, широким черным нагрудником и великолепным опереньем; и свиристель, в пушистом охотничьем колпачке, с крылышками, окаймленными красным, и хвостом, подбитым желтым; и сойка, суетливая франтиха в ярко-голубом наряде и белом исподнем белье, с визгом и щебетом приседающая и раскланивающаяся перед каждым лесным певцом, уверяя его в самых дружеских своих чувствах.

Медленной трусцой подвигаясь вперед, Айкебод, всегда равнодушный к малейшему признаку кулинарного изобилия, с радостным волнением озирает все сокровища лучезарной осени. Всюду по сторонам видит он обширные запасы яблок: тут великолепным бременем они висели на деревьях; там лежали в корзинах и ящиках, заготовленные для рынка; здесь громоздились кучами, дожидаясь, чтобы выжали из них сидр. Дальше открылись перед Айкебодом широкие поля кукурузы; золотые початки выглядывали из своих зеленых гнездышек, суля пироги и заварные пудинги; желтые тыквы лежали под ними, подставляя солнцу блестящие круглые животы и волнуя душу предвкушением роскошнейших кулебяк; потом ароматные поля гречихи дохнули на него запахом пчелиного улья. Глядя на них, Айкебод ощутил в душе сладостное предчувствие пышных оладий, плавающих в масле, и увидел уже, как поливает их медом или патокой пухлая ручка Катрины Ван-Тассель.

Так, питая свое воображение сладкими мыслями и медовыми грезами, следовал Айкебод Крейн вдоль гряды холмов, озирающих один из самых красивых уголков могучего Гудзона. Солнце не спеша катило широкий свой диск к западу. Обширное лоно Таппанского Озера простиралось, зеркальное и недвижимое, -- разве порой кое-где легкая зыбь всколыхнет и

удлинит синюю тень далекой горы. Два-три янтарных облачка повисли в небе, не колеблемые ни одним дуновением. Горизонт горел чистым золотом, которое постепенно сменялось оттенками бледно-зеленого цвета, а дальше -- глубокой синевой небосвода. Косые лучи медлили на лесистых гребнях утесов, нависших над рекой, и по контрасту еще темнее казались темно-серые и пурпурные краски скалистых обрывов. Вдали маячил баркас, медленно плывущий вниз по течению, с парусом, бессильно повисшим на мачте; и так как на тихой глади воды сияло отражение неба, казалось, будто суденышко это подвешено в воздухе.

Под вечер уже прибыл Айкебод к дому гера Ван-Тасселя. Он застал тут в полном сборе весь цвет местного общества: старые фермеры, худощавый народ с дублеными лицами, в домотканых куртках и панталонах, в синих чулках и грубых башмаках, во всем великолепии оловянных пряжек; их бойкие сморщенные женушки, в плоеных чепцах, в платьях с высокою талией, в домотканых юбках, с ножницами, подушечками для булавок и пестрыми ситцевыми кармашками, подвешенными у пояса; задорные девушки, почти в таких же старомодных нарядах, -- разве соломенная шляпка, или яркая лента, или белая блузка свидетельствовали о городских новшествах; сыновья -- в коротких кафтанах с прямыми полами и рядами ошеломляющих медных пуговиц. У всех почти волосы были заплетены в косичку, по тогдашней моде, -- во всяком случае, у тех, кому удалось раздобыть для косички чехол из шкурки угря, каковой чехол, по местным поверьям, является могущественным средством для укрепления и ращения волос.

Героем дня был, однако, Бром Бонс, явившийся на вечеринку на своем неизменном Сорванце -- коне норовистом и буйном, ему под стать. Никто, кроме Брома Бонса, не мог совладать с этим скакуном. А Бром -- тот всегда предпочитал диких коней, которые могут выкинуть любую штуку и скакать на которых -- значит ежеминутно рисковать своей шеей; ибо смирных, хорошо обьеженных лошадей почитал он недостойными разбитного молодца.

Напрасно пытался бы я описать весь мир очарований, представших перед восхищенным взглядом моего героя, едва он вступил в гостиную Ван-Тасселя. Не чары задорных девушек, румяных, как кровь с молоком, имею я в виду, но пышные чары исконного голландского стола в роскошную пору осени. Сколько блюд, заваленных грудями пирогов всевозможного рода -- неопикуемых пирогов, тайны которых ведомы одним лишь искусным голландским хозяйшкам! Тут были сочные пончики, и нежнейшие слойки, и крохотные рассыпчатые сметанники; сахарные пряники, песочные пряники, имбирные пряники, медовые пряники -- все семейство пряников. И еще были тут яблочные пироги, и пироги с персиками, и пироги с тыквой. А сколько ветчины и копченой говядины! А варенье из слив, из персиков, из груш, из айвы, не говоря уже о цыплятах и жареной рыбе, о кувшинах молока и сметаны! Да все вперемежку, вперемешку, как я это все перечисляю. А на самой середке, как квочка, -- огромный чайник, возносящий кверху облака пара, -- милости просим,

ешь -- не хочу! Мне духа не хватит, да и времени нет, чтобы достойным образом описать этот пир, -- слишком не терпится мне продолжать мой рассказ. К счастью, Айкебоду Крейну не было нужды так спешить, и он с полным вниманием мог воздать должное каждому лакомству.

Он был благодарным созданием, и сердце его расширялось по мере того, как утроба его наполнялась доброй снедью; он хмелел от еды, как другие хмелеют от вина. И как ему было не таращить свои большие глаза на всю эту роскошь, как не хихикать при мысли о том, что, быть может, со временем станет он господином всего этого невообразимого великолепия? Тогда бы, думал Айкебод Крейн, -- тогда бы он тотчас распрощался со старой школой; уж он бы тогда утер нос Гансу Ван- Рипперу и прочим скрягам. А попробуй какой-нибудь бродяга-учитель назвать его приятелем, -- он бы живо выставил его за дверь!

Старый Ван-Тассель расхаживал среди своих гостей с лицом, расплывшимся от удовольствия, веселым и круглым, как полная луна. Радужные приветствия его были кратки, но выразительны: он ограничивался крепким рукопожатием, похлопыванием по плечу, громким смехом и настойчивыми уговорами "наваливаться и быть, как дома".

Но вот в большой комнате, или зале, грянула музыка, приглашая на танцы. Музыкантом был старый седовласый негр, который больше полувека служил бродячим оркестром для всей округи. Инструмент его был такой же старый и разбитый, как сам музыкант. Почти все время старик пикировал на двух или трех струнах, каждое движение смычка сопровождая кивком головы; он кланялся чуть не до земли и топал ногой всякий раз, как новая пара выходила плясать.

Айкебод гордился умением плясать не меньше, чем своим певческим даром. Ни один член его, ни одна жилка не оставались праздными; глядя, как его нескладная фигура, вихляясь во всех сочленениях, носится по комнате, вы бы, верно, решили, что это сам святой Витт, благословенный покровитель пляски, козыряет тут перед вами. Все негры были в восторге от мастерства Айкебода: всякого возраста, всякого роста, набежали они с фермы и с соседних дворов, выстроились пирамидой черных блестящих лиц у каждой двери и у каждого окна, с упоением глядя на эту сцену, тараща белки глаз и ослабившись до ушей. Как было тут не радоваться, не сиять грозному наставнику мальчуганов? Дама сердца была его партнершей по танцу, она грациозно улыбалась в ответ на его влюбленные взгляды; между тем Бром Бонс, жестоко удрученный любовью и ревностью, одиноко сидел в углу и дулся.

Когда кончился танец, Айкебод присоединился к кружку стариков, которые вместе с Ван-Тасселем сидели и курили в сенях, болтали о добром старом времени и плели нескончаемые истории о войне [*Речь идет о войне за независимость*].

В ту пору, о которой я рассказываю, край этот богат был славными событиями и великими людьми. Британские и американские войска подходили близко к Держи-Городу во время войны; поэтому было тут много грабежей; всю округу наводнили беженцы, ковбои и всякий непутевый народ. С тех пор прошло как раз достаточно времени, чтобы каждый рассказчик успел приукрасить свою историю небольшой долей вымысла и в смутной дымке воспоминаний себя самого сделать героем каждого подвига.

Тут можно было услышать историю Доффью Мартлинга, рослого, синебородого голландца, который чуть было не захватил британский фрегат, -- так здорово палил по нему из старой восьмифунтовки с земляного бруствера, да, как на грех, чугунная пушка разорвалась на шестом выстреле. Был тут еще один старый мингер, который в битве при Белой Долине отбил тесаком мушкетную пулю так ловко, что она скользнула вокруг клинка и отскочила от рукоятки, -- в доказательство чего он в любое время готов был показать этот тесак с маленькой вмятиной на том месте, куда ударилась пуля. Было тут еще несколько человек, отличившихся на поле брани; и каждый из них совершенно уверен был в том, что если война закончилась счастливо, так это в значительной степени дело его рук.

Но все эти истории были сущей ерундой по сравнению с рассказами о духах и привидениях, которые последовали затем. Эта округа богата легендарными сокровищами подобного рода. Местные сказки и поверья пышнее цветут в таких укромных старинных поселках; но они гибнут под ногами текучих толп, населяющих большую часть наших сел и деревень. К тому же, почти все наши села мало привлекательны для духов: не успеет покойник еще вздремнуть в своей могиле и повернуться на другой бок, как друзья его, оставшиеся в живых, уже покидают родные края; так что, пустившись ночью бродить по округе, мертвец не находит уже никого из

старых знакомых, и некого ему навестить. Вероятно, поэтому так редко нам случается слышать о появлении духов где-нибудь за пределами наших старинных голландских селений.

Здесь же, конечно, сверхъестественные истории преобладали по той причине, что сказывалась близость Сонной Ложбины. Самый ветер, веющий из этого зачарованного уголка, был заражен, и дыхание его навевало грезы и странные сны на всю окрестность. У Ван-Тасселя собралось немало жителей из Сонной Ложбины, и, по обыкновению, рассказывали они свои причудливые, волшебные легенды. Много страшных историй поведали они о похоронных процессиях и о скорбных криках и воплях, которые слышатся под большим деревом, где схвачен был злосчастный майор Андре [*Дерево в Держжи-Городе, близ которого во время войны был схвачен британский офицер Андре*]. Помянули и женщину в белом, чей призрак являлся в темном ущелье у Вороньей Скалы; часто в зимние ночи раздавались там ее крики, предвещая буран, так как погибла она в снегах. Однако по большей части в этих историях шла речь об излюбленном призраке Сонной Ложбины, о Безголовом Всаднике, который и в самое последнее время появлялся несколько раз по соседству и, стреножив, пускал по ночам свою лошадь пастись среди могил на церковном погосте.

Этот погост и церковь издавна стали излюбленным местом беспокойных духов, -- видно, потому, что церковь стоит на уединенном бугре, окруженном акациями и высокими вязами, сквозь листву которых скромно сияют ее беленные известью стены. Пологий склон сбегает отсюда к серебряной ленте воды, окаймленной развесистыми деревьями; в просветы между деревьями виднеются вдали голубые холмы Гудзона. Взглянув на двор этой церкви, заросший травой, где, кажется, тихо спят даже солнечные лучи, непременно подумаешь: здесь-то по крайней мере мертвецы могут покоиться в мире. По одну сторону церкви простирается широкий лесистый овраг, по которому скачет ручей среди обломков скал и стволов упавших деревьев. Через черную стремнину потока, неподалеку от церкви, некогда перекинули деревянный мост; дорога и самый мост были густо затенены нависшими деревьями, так что место это казалось мрачным даже днем; а в ночную пору и вовсе царила тут жуткая тьма. Это было излюбленное местечко Безголового Всадника, и чаще всего встречали его именно здесь. Рассказывали о старом Броуэре, самом отъявленном насмешнике, не верившем ни в каких духов: как повстречал он здесь Всадника, возвращающегося из Сонной Ложбины; как мчались они, через пень-колоду, по холмам и болотам, пока не достигли моста, -- и тут Всадник вдруг обернулся скелетом, швырнул старого Броуэра в ручей и, взвившись над верхушками деревьев, исчез под раскаты грома.

За этой историей немедленно последовала другая -- чудесное приключение Брома Бонса, который рассказал о том, что за лихой наездник этот Скачущий Гессенец. Как-то ночью, -- уверял Бром, -- возвращаясь из соседней деревни Синг-Синг, он столкнулся с Безголовым Всадником и предложил ему скакать вперегонки -- на спор, на кружку пунша -- и чуть

было не выиграл, потому что Сорванец его обскакал коня-призрака в Ложбине; но едва они подскакали к церковному мосту, Гессенец взмыл в небо и сгинул, полыхнув огнем.

Все эти истории, рассказанные вполголоса, тем глухим шепотом, каким беседуют в темноте, когда только пылающий уголек трубки нет-нет осветит лица слушателей, -- эти страшные истории глубоко запали в душу Айкебода. Он, в свою очередь, поделился с собравшимися длинными выдержками из своего любимого автора, Коттон Матера, и припомнил еще много чудесных случаев, имевших место в родном его штате, Коннектикуте, а также поведал о страшных видениях, которые встречались ему во время его ночных поездок по Сонной Ложбине.

Понемногу гости стали разъезжаться. Старые фермеры усадили свои семьи в повозки, и долго было слышно, как погромыхивают колеса по выбоинам дорог, где-то за дальними холмами. Иные красотки уселись в седла позади своих кавалеров, и звонкий их смех, смешиваясь с перестуком копыт, отдавался в молчаливых лесах, замирая все больше и больше, пока совсем не затих вдали. И дорога, только что оглашавшаяся шумным весельем, повеяла жутким безлюдьем и тишиной. Один Айкебод задержался, по обычаю сельских влюбленных, чтобы остаться с глазу на глаз с наследницей, ибо теперь он был вполне убежден, что победа уже недалека. Не могу сказать, что произошло во время этой беседы, потому что, право, я этого не знаю. Однако боюсь, что дело обернулось неладно, так как немного погодя вынырнул он из сеней с видом совершенно потерянным и удрученным. Ох, эти женщины, женщины! Неужели же эта девушка потешалась над ним из одного кокетства? Может быть, она поощряла ухаживания бедного педагога для того лишь, чтобы упрочить свою победу над его соперником? Одному небу это известно -- не мне! Достаточно будет сказать, что вышел от нее Айкебод крадучись, с таким видом, будто не сердце красавицы искал, а кур воровал с насеста. Не глянув ни вправо, ни влево, не обращая внимания на картину сельского благополучия, которую так часто пожирал он глазами, Айкебод отправился прямо в конюшню и несколькими яростными пинками выгнал своего скакуна из уютной обители, где тот спал глубоким сном, грезя о горах овса и целых долинах тимофеевки и клевера.

Был самый колдовской час ночной поры [*"Самый колдовской час ночной поры"* -- из трагедии Шекспира *"Гамлет"*], когда Айкебод, с тяжелым сердцем и поникшей головой, возвращался восвояси, держа путь вдоль гряды высоких холмов, поднимающихся над Держи-Городом. Этот час был также мрачен, как мрачно было у него на душе. Далеко внизу Таппанское Озеро расстилало свои темные просторы вод; здесь и там видна была высокая мачта шлюпа, покойно стоящего на якоре у берега. В мертвой полуночной тишине слышно было даже, как брешут сторожевые собаки на противоположном берегу Гудзона; но лай доносился так смутно, так слабо, -- он только и мог напомнить Айкебоду, какое безмерное расстояние отделяет его от этих верных спутников человека. Нет-нет, откуда-нибудь с далекой-далекой фермы, затерянной среди холмов, долетало протяжное

кукареканье петуха, но оно казалось только тенью звука. Вблизи же не слышно было никаких признаков жизни, -- разве уныло прострекочет сверчок или закричит лягушка в соседнем болоте, будто, заснув в неловкой позе, вдруг поворачивается на другой бок.

Все рассказы про духов и призраков, каких наслушался Айкебод в этот вечер, встали у него в памяти. Ночь становилась темней и темней; звезды как будто ушли глубже в небо, и набегающие облака порой совсем прятали их от глаз. Никогда еще не было ему так жутко и одиноко. Вдобавок он приближался к тому самому мосту, где разворачивалось действие многих из этих рассказов. На середине дороги стояло чудовищное тюльпановое дерево, вздымавшееся, как великан, над всеми другими деревьями. Ветви его были узловаты и причудливы, такие толстые, что вполне сошли бы за стволы обыкновенных деревьев; они изгибались почти до земли и снова возносились кверху. С этим-то деревом связана была трагическая история злосчастного Андре, который тут поблизости и был схвачен; так и звали это дерево повсюду деревом майора Андре. Народ смотрел на него с суеверным страхом -- отчасти из сочувствия к судьбе злополучного майора, отчасти потому, что так много рассказов ходило о странных видениях и горестных жалобах, которые мерещатся под его могучей кроной.

Приближаясь к этому страшному дереву, Айкебод стал насвистывать; ему почудилось, будто кто-то отзывается на свист, -- это был лишь ветер, пронзительно свистящий в сухих ветках. Когда он подъехал еще ближе, ему показалось, будто что-то белое висит под этим деревом; он замер и перестал свистеть; но, приглядевшись пристальней, заметил, что ствол поражен молнией и в этом месте обнажена белая древесина. Вдруг услышал он стон, -- зубы застучали у него и колени стукнулись о седло; это просто скрипнули ветви, когда качнул их ветер. Он благополучие! миновал дерево, но впереди его ждали новые опасности.

В двухстах ярдах от дерева дорогу пересекал ручеек, стекавший в болотистую, густо заросшую низину, которую прозвали болотом Вили. Несколько необтесанных бревен, уложенных одно к одному, служили мосточком через поток. У края дороги, где ручей терялся в лесу, густые дубы и каштаны, оплетенные диким виноградом, бросали на мостик непроглядную черную тень. Перейти через этот мост было жестоким испытанием. Именно на этом месте схвачен был несчастный Андре, и как раз под покровом этих каштанов сидели в засаде схватившие его солдаты. С тех пор этот ручей считался обиталищем нечистой силы; и страшные чувства теснились в груди педагога, которому предстояло одному перейти через него во мрак.

Когда Айкебод приблизился к ручью, сердце у него начало колотиться; он собрал всю свою решимость, дал лошади десяток пинков в ребра и попытался одним махом перевалить через мост. Но, вместо того чтобы скакать вперед, вредная тварь шарахнулась вбок и налетела на кусты. Айкебод, испуганный больше прежнего, дернул уздечку и стал яростно тузить лошадь ногами, но все было напрасно: скакун его сорвался с места только для того, чтобы врезаться в чащу терновника и ольшаника по

другую сторону дороги. Учитель и плеткой и каблуками тиранил тощие ребра старого Пороха; хрипя и фыркая, лошадь помчалась "перед, но остановилась как раз у моста, да так внезапно, что седок едва не кувырнулся через се голову. Именно в эту минуту чуткое ухо Айкебода уловило плеск и топот около моста. В густой тени деревьев, на берегу ручья, он увидел что-то огромное, черное и бесформенное. Оно не двигалось и, казалось, пригнулось в темноте, точно гигантское чудовище, готовое прыгнуть на путника.

От ужаса волосы встали дыбом на голове у бедного педагога. Что было делать? Повернуть и спастись бегством было уже слишком поздно; а кроме того. -- какой толк бежать от духа или привидения, которое может мчаться на крыльях ветра! Поэтому Айкебод Крейн напрог последние силы и пролепетал запинаясь:

-- Кто вы такой?

Ответа не последовало. Он повторил свой вопрос еще более взволнованным голосом. Опять никакого ответа. Снова обрушил он град ударов на бока непреклонного Пороха и, зажмурив глаза, с невольным жаром запел псалом. И тотчас же виновник его ужаса пришел в движение, прыгнул и сразу очутился на середине дороги. Хотя ночь была темна и мрачна, все же неведомая тень теперь приняла более определенную форму. Эта тень оказалась всадником огромного роста, на вороном могучем коне. Не приближаясь, всадник держался у края дороги. Старый Порох, слепой на один глаз, не видел его; он оправился уже от испуга и перестал беситься.

Айкебод не слишком рад был такому странному полуночному спутнику; вспомнив приключения Брома Бонса со Скачущим Гессенцем, он стегнул своего коня, надеясь оставить всадника позади. Однако и всадник тоже прибавил рыси. Айкебод подобрал поводья и перешел на шаг, решив поотстать, -- и спутник сделал то же. Сердце у Айкебода упало; он попытался снова затянуть псалом, но пересохший язык прилип к нёбу; несчастный педагог не мог пропеть ни стиха. В угрюмом, мрачном молчании этого неотвязного спутника было что-то таинственное, леденящее душу. И недаром: когда въехали они на бугор и фигура всадника четко вырисовалась на фоне неба. -- фигура гигантского роста, укутанная в плащ, -- Айкебод оцепенел, заметив, что у всадника нет головы. Но страх его усилился еще больше, когда он увидел, что голова, вместо того чтобы покоиться на плечах, лежит у всадника на луке седла. Ужас возрос до отчаяния; град туманов и ударов обрушил Айкебод на своего Пороха, надеясь внезапным рывком уйти от своего спутника, -- но призрак сорвался с места вслед за ним. Они понеслись вперед, напролом, не разбирая дороги; камни летели, искры били из-под копыт. Мешковатое платье Айкебода трепалось на ветру, а сам ой пригнул свое длинное тощее тело к голове лошади, ища спасения в отчаянном бегстве.

Но тут он услышал, как вороной конь храпит у него за спиной.

Они достигли уже дороги, которая ведет к Сонной Ложбине; но Порох, точно одержимый дьяволом, вместо того чтобы скакать по пей, свернул в противоположную сторону и очертя голову понесся налево под уклон. Эта дорога около четверти мили бежит по песчаной долине, затененной

деревьями, а там упирается в мост, прославленный многими сверхъестественными историями; и как раз по ту сторону моста вздымается зеленый холм, на котором стоит беленная известью церковь.

Сперва неискусный ездок выигрывал в быстроте благодаря испугу своего коня; но на середине долины подпруги сдали, и Айкебод почувствовал, что седло выскальзывает из-под него. Он вцепился в луку седла, стараясь удержать его, но напрасно: он едва успел спастись, обхватив руками шею старого Пороха, как седло упало наземь и хрустнуло под копытом коня-призрака. На мгновение у Айкебода в мозгу пронеслась мысль о страшном гневe Ганса Ван-Риппера, ибо это было его воскресное седло; но теперь было не время для таких ничтожных страхов. Привидение следовало за ним по пятам, и, будучи очень неопытным ездоком, Айкебод с великим трудом удерживался на коне; он соскальзывал то на один бок, то на другой, а порой налетал на острый хребет лошади с такой силой, что не на шутку боялся, как бы этот хребет не рассек его надвое. Прогалина между деревьями порадовала его надеждой, что церковный мост недалек. И правда, минуто спустя он увидел уже зыбкое отражение серебряной звездочки в воде ручья. За деревьями по ту сторону тускло блеснули стены церкви. Айкебод вспомнил, что как раз на этом месте исчез призрак, состязавшийся с Бромом Бонсом.

"Если я успею достичь этого места, -- подумал Айкебод, -- я спасен!"

Но тут он услышал, как вороной конь храпит у него за спиной; ему показалось даже, будто он чувствует его горячее дыхание. Еще один судорожный пинок -- и старый Порох взлетел на мост; он загредел по звонким доскам, достиг того берега; и тут Айкебод бросил взгляд через плечо, чтобы удостовериться, исчез ли его преследователь, как надлежало ему, в огненном всполохе и в серном дыму. Но в этот миг он увидел, что призрак привстал на стременах и бросает в него свою голову. Айкебод попытался увернуться от страшного снаряда, но было поздно: с ужасающим стуком снаряд угодил ему в темя; Айкебод кубарем скатился на землю, а Порох и вороной конь с призрачным всадником вихрем пронесли мимо него.

На другое утро старую лошадь нашли без седла; поводья болтались у нее под ногами, она смиренно щипала траву у ворот своего хозяина. Айкебод не появился к завтраку; пришел час обеда, но Айкебода все не было. Ребята собрались в школе и праздно бродили по берегам ручья; но учитель не возвращался. Ганс Ван-Риппер уже стал беспокоиться об участии Айкебода и о судьбе своего седла. Были посланы люди на поиски, и вскоре они напали на следы бедняги. На дороге, что ведет к церкви, найдено было седло, втопанное в грязь; следы конских копыт, -- видно, на бешеном скаку, -- глубоко отпечатались на дороге. Они тянулись к мосту; по ту сторону его, на берегу ручья, где вода глубока и черна, найдена была шляпа злосчастного Айкебода, а рядом с нею -- расколота тыква.

Обыскали весь ручей, но тела учителя не обнаружили. Ганс Ван-Риппер как наследник его достояния обследовал узелок со всеми его пожитками. Они состояли из двух с половиной сорочек, двух галстуков, одной или двух

пар шерстяных чулок, пары старых вельветовых панталон, заржавленной бритвы, псалтыря, страницы которого топырились ослиными ушами, и сломанного камертона. Что касается книг и всей школьной утвари, то они принадлежали общине, за исключением "Истории колдовства" Коттон Матера и "Толкового сонника"; в последнем хранился листок писчей бумаги, испещренный каракулями и помарками -- бесплодными попытками сложить стихи в честь наследницы Ван-Тасселя. Эти волшебные книги и поэтическое бумагомаранье тотчас же были преданы огню Гансом Ван-Риппером, который тут же принял решение не посылать больше детей своих в школу, заметив при этом, что никогда еще эта проклятая грамота не доводила людей до добра. Деньги, какие имелись у учителя, -- а он получил свое жалованье всего лишь день или два назад, -- должно быть, находились при нем в тот момент, когда он исчез.

Много толков было в церкви в следующее воскресенье по поводу этого загадочного происшествия. Кучки зевак и сплетников собирались на погосте, у моста и на том месте, где найдены были шляпа и тыква. Припомнили истории Броуэра, Бонса и уйму других; и, обсудив их как следует и сравнив с обстоятельствами настоящего случая, все покачали ' головами и пришли к заключению, что Айкебод унесен Скачущим Гессенцем. Так как был он холостяком и никому не был должен, то никто не стал беспокоиться о нем дольше. Школу перенесли в другой конец Ложбины, и новый учитель воцарился на его месте.

Правда, один старый фермер, которому случилось гостить в Нью-Йорке несколько лет спустя и от которого услышали мы рассказ об этом удивительном приключении, воротился домой с известием, что Айкебод Крейн, оказывается, жив; он покинул Сонную Ложбину отчасти из страха перед призраком и перед Гансом Ван-Риппером, отчасти потому, что оскорблен был неожиданным оборотом дела с наследницей; он переселился в дальние края; преподавал в школе и одновременно изучал законы; получил диплом судьи, а потом и судейское место в Десятифунтовом суде [*Десятифунтовый суд -- суд, рассматривавший иски, не превышающие десяти долларов*].

Бром Бонс, который вскоре после исчезновения соперника с торжеством повел цветущую Катрину к алтарю, -- тот также выказывал удивительную осведомленность, когда речь заходила об истории с Айкебодом, и неизменно раздражался веселым смехом, если кто упоминал о тыкве, вследствие чего кое-кто заподозрил, что он знает об этом деле куда больше, чем находит нужным рассказывать.

Все же старые кумушки, лучшие судьи в таких делах, и по сей день утверждают, будто Айкебод был унесен прочь нечистой силой; это -- излюбленная история, которую часто рассказывают здесь у зимнего камелька.

По-прежнему с суеверным страхом все смотрят на церковный мост, и, возможно, по этой причине в последние годы дорога свернула в сторону, так что к церкви ходят теперь берегом мельничного пруда. Школьный дом запустел, превратился в развалины; говорят, будто в нем обитает дух

злополучного педагога, и пахарю, бредущему домой тихим летним вечером, часто слышится вдали его голос, который выводит унылый псалом в покойном уединении Сонной Ложбины.

Текст издания: Рассказы и легенды. Для сред. и ст. возраста / Вашингтон Ирвинг. Пер., биогр. очерк и прим. М. Гершензона; Рис. В. Бехтеева. -- Москва--Ленинград: Детиздат, 1939 (Горький). -- 192 с., 10 вкл. л. ил., портр.: ил.; 23 см.